

МИФОПОЭТИКА ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ

К. А. КЛИМОВА
(Москва)

ЖЕНСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В НОВОГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Так сложилось, что словосочетание «греческая мифология» практически у любого человека ассоциируется с мифологией Древней Греции. Однако, как известно, Греция существует по сей день, и в традиционной культуре современных греков присутствуют поверья о разного рода демонических существах, населяющих ручьи, горы, море, охраняющих клады и предсказывающих будущее, лишаящих человека дара речи или помогающих освободиться от дракона. Система мифологических персонажей современной Греции сильно отличается от древнегреческой. Греческая культура претерпела серьезные исторические изменения, связанные с многочисленными длительными контактами с другими этносами, что не могло не отразиться на мифологических воззрениях современных греков. Все составляющие новогреческую систему существа относятся к так называемой «низшей» мифологии, к «нечистой силе». Сведения об этих персонажах можно почерпнуть из немногочисленных и сравнительно поздних источников, часто дающих только косвенное представление, в то время как античная мифологическая система была тщательно проработана и зафиксирована, что во многом также было обусловлено ее статусом официальной религии. Половая характеристика новогреческих мифологических

персонажей является иногда значимым признаком для их классификации, и особый интерес здесь представляют женские мифологические персонажи: nereиды, мойры, горгоны, Ламия, Гелло и т. д. Поскольку в рамках одной небольшой статьи было бы невозможно представить всю систему новогреческих женских персонажей, мы остановимся на описании только двух из них, nereид и мойр. В работе мы опирались на схему описания мифологических персонажей, разработанную в секторе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН [Виноградова — Толстая, 40—44].

1. Нереиды (Νεράιδες)

Представления об этих женских мифологических персонажах распространены во всех уголках «греческого мира» (например, у греков южной Италии, у понтийских греков). В современной традиции они имеют большую связь с водой, чем с другими природными стихиями, однако сохранились представления и о «воздушных», и о «лесных» nereидах. Образ новогреческой nereиды напрямую восходит к древнегреческой мифологии, где были представлены нимфы, населяющие различные природные локусы. К нимфам же относились и nereиды — прекрасные дочери вешего морского старца Нерея и богини Дориды, жившие в море и иногда выходявшие на берег водить хороводы и петь песни. Nereид было пятьдесят, они считались покровительницами мореходов и обеспечивали им счастливые плавания. Позже имя *nereиды* стало использоваться в качестве родового названия женских мифологических персонажей типа нимфы, что, очевидно, объ-

яснялось народной этимологией этого имени — от *νερό* [него] ('вода').

Из терминов, обозначающих этот мифологический персонаж, наиболее распространенным является тип «нереида» (*Νεράιδα* [neraída], pl. *Νεράιδες* [neraides]) со множеством диалектных вариаций (подробнее о новогреческих нереидах см.: [Климова 2004]). Он используется практически на всем Пелопоннесе (в Мани, в Каламате, в Аркадии, в Элиде), на Додеканезах (Родос, Карпатос, Лерос), на Кикладских островах (Сифнос, Аморгос), на Ионических островах, на Крите, на Кипре, в Северной Греции, у понтийских греков.

В Эпире и на Кефаллинии распространено название *Εξωτικές* ('внешние; те, кто вне'). Существует два варианта толкования этого имени. Б. Шмидт считает, что таким образом верующие греки обозначали языческие силы, выходящие за рамки христианских представлений, т. е. нереиды и прочая нечисть — это «те, кто вне» официальной религии. Вторая точка зрения представлена Н. Г. Политисом, который считает, что этот термин означает «вне человеческой природы, сверхъестественное» [Πολίτης 1918, 24]. Интересно, что термином *Εξωτικά* (то же слово, но в форме мн. ч. ср. р.) в новогреческой мифологии обозначается нечистая сила вообще. Следующую группу имен составляют названия нереид с корнями *αερ-* ('воздух'), *ανεμ-* ('ветер'), отражающие представления о том, что нереиды так или иначе связаны с воздушной стихией (перемещаются по воздуху, танцуют внутри воздушного вихря и т. д.): *Αερίκά* — на Сикиносе; *Αεραγίδες*, *Γεραγίδες* — на Хиосе; *Ανεμικές* — в Македонии, *Ανεμογαζούδες* — в Гортинии [Πολίτης 1918, 25].

Имя *Γελλώ* [γ'elo] характерно для особого женского персонажа греческой демонологии, душащего ночью младенцев. Нереидам в некоторых областях Греции, например на Родосе, в Мани, также приписывается свойство душить или красть младенцев. На Эгейских островах название *Γελλώ* заменило название *Νεράιδα*, причем все характерные

признаки нереид за этим мифологическим персонажем сохранились. Случаи одновременного использования обоих названий для обозначения одного мифологического персонажа, условно называемого *нереидой*, довольно редки. Обычно в местах, где встречаются эти два названия, они обозначают двух разных мифологических персонажей [Πολίτης 1918, 25].

Среди эвфемистических названий нереид наиболее распространены нейтральные имена со значением «госпожа»: *Κυράδες* (Ливадия), *Κυράτσες* (Кефаллиния), *Αρχόντισσες* (Кефаллиния, Хиос). Часто к этим именам добавляют прилагательное *καλός* — 'хороший, добрый': *Καλές Κυράδες* (Афины, Фивы, Милос, Скиафос), *Καλές Αρχόντισσες* (Хиос), *Καλοκυράδες* (Афины, Фивы, Милос), *Καλοκεράδες*, *Καλοτσιουράδες* (Афины) — 'хорошие дамы', *Καλές γυναικές* (Калимнос, Карпатос) — 'хорошие женщины'.

Иногда нереид могут называть не «женщинами», а «девушками» и также использовать по отношению к ним эпитеты, обычно применяемые к девушкам. По мнению Н. Г. Политиса, эти имена восходят к древнегреческим названиям нимф — *Νύμφες* ('девушки'), *κόραι* ('девицы'), *παρθένοι* ('девы'). Так, на Хиосе нереид называют *Καλούδες* — 'милые', *Χαριτωμένες* — 'веселые'; на Закинфе и в Ливадии — *Κοράσια*, *Κορίτσα*, *Κουρίτσα* — 'девочки, девушки'; в Арахове — *Κοπέλες* — 'девушки' [Πολίτης 1918, 28].

Другие имена, с помощью которых задабривают нереид: *Καλομοίρες* (Икария, Чесмес, Хиос, Закинф, Халкидики) — 'с доброй судьбой', *Καλότυχες* (Гревена, Загори) — 'с доброй удачей', *Καλόγνωμες* (Хиос, Акарнания) — 'с добрыми помыслами', *Χαιράμενες* — 'радостные', *Καλόκαρδες* (Кефаллиния) — 'добросердечные', *Καλορίζκες* (Фессалия) — 'с доброй судьбой'.

Для того чтобы обезопасить себя от вредоносного воздействия нереид, в Касторье (греческая Македония) и на Хиосе их называют апотропеическими именами *Μελιγάνες* (от слов *μέλι* — 'мед' и *γάλα* — 'молоко') и *Μελιτένες* (от *μέλι* —

‘мед’), так как эти продукты используются в качестве оберега от nereid.

На о. Сими (Додеканезы) эти мифологические персонажи называются *Αλοστίνας* — ‘немытые’. Слово происходит от народного названия месяца августа — *Αλοστος* — ‘немытый’, так как считается, что в начале августа было необходимо соблюдать запрет на контакты с водой, особенно опасно было мыться, мыть голову и стирать, потому что в это время, по поверьям, активизировались nereidy, живущие в воде, и наказывали человека, вторгшегося в их локус. В других областях Греции (например, в Мантинии) «опасные» дни августа называются *δρίμες* или *δρίματα*, и они также связаны с представлениями о том, что в это время nereidy особенно вредоносны [Φραγκούλης 1917, 250].

Среди имен собственных особо можно выделить слово *Λάμια*. Этим именем может обозначаться как отдельный мифологический или сказочный персонаж, обладающий набором особых характеристик, так и одна из nereid, чаще всего их предводительница, зачастую имеющая какой-либо физический недостаток и поэтому самая опасная (злая). На Лесбосе, в Гортинии, в Мессинии, на Самосе известны собственные имена nereid [Διαλεκτός 1979, 10; Πολίτης 1904, 405, 422, 423].

Для этих мифологических персонажей характерен антропоморфный облик, преимущественно женский, иногда они появляются в виде младенцев и детей [Πολίτης 1904, 479]. Считалось, что nereidy обладают способностью превращаться в различных животных (собак, кошек, зайцев, волков [Πολίτης 1904, 404, 490; Διαλεκτός 1979, 9]), птиц, рыб и бабочек [Διαλεκτός 1979, 9; Πολίτης 1904, 480], становиться невидимыми, однако в большинстве случаев именно антропоморфная ипостась расценивается как основная, а способность к оборотничеству — как одно из их свойств. Кроме того, на территории почти всей Греции распространены поверья о том, что nereida может появляться в виде вихря [Πολίτης 1904, 396, 442; Διαλεκτός 1979, 12] или что

nereidy так или иначе с вихрем связаны (вихрь — танец nereid [Πολίτης 1904, 401, 406, 434, 435], свадьба nereid [Πολίτης 1904, 435], рассерженные nereidy насылают вихрь [Πολίτης 1904, 410, 432], nereidy перемещаются с помощью вихря [Πολίτης 1904, 444; Οικονομίδου 1974, 339]). Сочетание антропоморфных и зооморфных черт в облике nereidy встречается относительно редко. Так, например, nereidy описываются с крыльями [Πολίτης 1904, 391, 468—469; Διαλεκτός 1979, 9], с рыбьим хвостом [Διαλεκτός 1979, 9], как полуженщины-полусаранчи, полуженщины-полулошади [Πολίτης 1904, 393], часто nereidy, как и прочая нечистая сила, описываются с козлиными или ослиными ногами [Πολίτης 1904, 390, 401, 440; Οικονομίδου 1974, 342].

Внешний облик, наряду с местом обитания и появления, характерными занятиями и функциями, можно назвать одним из определяющих признаков этих мифологических персонажей. В подавляющем большинстве случаев nereidy описываются как существа женского пола, однако представления об аналогичных персонажах мужского пола встречаются также довольно часто [Διαλεκτός 1979, 9,10; Πολίτης 1904, 408, 428, 453, 474—475].

Красота — одно из основных свойств nereid: они описываются как существа неземной красоты, сравниться с которыми не может ни один из людей. Особо выделяются их стройность, тонкая талия, красивые руки, грудь и миндалевидные глаза, причем иногда отмечается, что глаза у них голубого цвета [Πολίτης 1904, 464]. Описанию глаз обычно уделяется довольно много внимания, иногда они являются признаком, по которому можно отличить nereidu от человека: разрез глаз у nereidy не горизонтальный, а вертикальный [Πολίτης 1904, 422]. Однако наряду с представлениями о красивых nereidaх бытуют и поверья о nereidaх безобразных: с «длинными мордами» [Διαλεκτός 1979, 9], страшных, черных, как арапки [Οικονομίδου 1974, 342], толстых, как корабельная мачта [Πολίτης 1904, 409].

Нередко nereиды описываются обнаженными, босыми [Διαλεκτός 1979, 10], причем нагота может быть частичной — обнажена только грудь nereиды [Διαλεκτός 1979, 9], или временной, например, когда nereиды купаются или танцуют, они сбрасывают одежду, а перед тем, как исчезнуть, снова надевают ее [Πολίτης 1904, 399]. Одежда nereид описывается достаточно подробно. Это красивые воздушные платья, длинные и широкие, украшенные кружевами и вышивкой, или покрывала [Διαλεκτός 1979, 10 и след.], иногда просто рубашка [Πολίτης 1904, 399], или одежда, сделанная из травы и цветов [Διαλεκτός 1979, 10]. Магическая сила nereид сосредоточена в платке (покрывале), который они носят на голове, шее или на поясе (в единичных случаях — в золотом поясе [Πολίτης 1904, 445] или в волшебной палочке [Διαλεκτός 1979, 10]).

Одна из основных характеристик внешнего облика nereид — их длинные распущенные волосы.

Среди nereид может выделяться предводительница, королева: *Λάμια* ('Ламия') [Πολίτης 1904, 499], *κυρά Κάλλω* ('госпожа Калло') [Πολίτης 1904, 393, 417; Διαλεκτός 1979, 11; Οικονομίδου 1974, 343] или просто *Κυρά* ('госпожа') [Πολίτης 1904, 407, 451—452]. Один раз упоминается некая «мать nereид» (*Νεραϊδομάνα*), руководящая другими nereидами [Πολίτης 1904, 439]. Кроме того, nereиды делятся на однотипные группы по месту обитания. Существуют свидетельства, что nereиды делятся на две большие группы: на горных nereид (*βουνήσιες, του βουνού*) и морских (*θαλασσινές, του γιαιού*) [Πολίτης 1904, 392—393; Διαλεκτός 1979, 10; Οικονομίδου 1974, 342—343]. Эти две группы находятся во враждебных отношениях, воюют друг с другом, бросаются камнями, вредят людям, проживающим на территории противника (морские вредят людям с гор, а горные — людям, живущим у моря). Кроме основных двух групп nereиды могут делиться на подгруппы, опять же связанные с местом их обитания: речные (*του ποταμού*), озерные (*της λίμνης*), полевые (*του*

κάμπου), лесные (*του δάσους*), садовые (*του κήπου*), живущие на природе (*της εξοχής*), долинны (*της λαγκάδας*), nereиды водяной мельницы (*του νερόμυλου*), дождя (*της βροχής*), ночи (*της νύχτας*), воздуха (*του αέρα*), неба (*του ουρανού*) [Διαλεκτός 1979, 10].

Согласно греческим мифологическим поверьям по происхождению nereид можно разделить на пять групп: из «заложных» покойников, грешники; девушки, проклятые матерью, красивые и богатые девушки, наказанные Богом за эгоизм [Διαλεκτός 1979, 9]; из детей, рожденных в результате сожительства nereид с людьми; сестры Александра Македонского, превращенные в nereид в наказание за то, что они выпили «бессмертную» воду (умылись ею) [Πολίτης 1904, 367; Οικονομίδου 1974, 340]; ангелы, проклятые Богом [Διαλεκτός 1979, 9].

Однако необходимо отметить, что упоминания о генезисе nereид встречаются довольно редко, в большинстве случаев их происхождение остается неясным.

Места обитания и появления nereид в общем характеризуются тем, что это — нежилое пространство. В Мани такие места даже обозначаются определенным термином — *άοικον μέρος*. Локативная характеристика этих мифологических персонажей имеет большое значение для их идентификации. Для nereид очень важна связь с водой и водными источниками. Как уже было сказано, народная этимология даже возводит имя «nereида» к новогреческому «*νερό*» — «вода». По большей части считается, что nereиды постоянно живут и появляются возле пресной воды, однако иногда характерным локусом для них оказывается море или побережье. Источники (ручьи, реки, озера, колодцы, резервуары для хранения воды), воспринимаются как место постоянного обитания nereид [Πολίτης 1904, 397, 398, 418, 441; Διαλεκτός 1979, 11; Οικονομίδου 1974, 337], место, где они занимаются присущими им делами (танцуют, пируют, расчесывают волосы, купаются, стирают и т. д.) [Πολίτης

1904, 398, 401; Διαλεκτός 1979, 11 и след.]. В одной быличке рассказывается, что nereиды появляются даже в русле высохшей реки [Πολίτης 1904, 440]. Как уже отмечалось, другим характерным «водным» локусом для nereид является море, которое воспринимается как место, где они живут постоянно (в море у nereид дома-дворцы и т. д.). Увидеть же nereид можно либо в море, либо на побережье [Πολίτης 1904, 473, 477; Διαλεκτός 1979, 11; Οικονομίδου 1974, 337; Βαφειάδου 1982, 398—399]. Вторым наиболее распространенным локусом для nereид являются горы [Πολίτης 1904, 388, 389, 401, 471—473; Διαλεκτός 1979, 11; Οικονομίδου 1974, 337] и горные пещеры [Πολίτης 1904, 403, 404; Διαλεκτός 1979, 11; Οικονομίδου 1974, 337]. В Козани рассказывают, что вода, капающая в пещерах, течет из груди nereид и обладает целебными свойствами [Οικονομίδου 1974, 337]. Другой характерный локус — возле деревьев. Nereиды появляются под смоковницей, миндальным деревом, тополем, грушей или просто «под деревом» (очень редко — на дереве или в дупле дерева) [Πολίτης 1904, 392, 420, 431, 434, 435—436, 437, 459—460; Διαλεκτός 1979, 11]. Прочие места появления nereид характерны для нечистой силы вообще. Это мельницы [Πολίτης 1904, 483—486; Διαλεκτός 1979, 11], гумно [Πολίτης 1904, 466—469, 479; Διαλεκτός 1979, 11], перекресток трех дорог [Πολίτης 1904, 400, 410].

В нескольких быличках из сборника Политиса упоминается о том, что у nereиды бывают «свои пределы» («*το όριο της*»), за которые она не может выйти [Πολίτης 1904, 449].

Появляются nereиды в типичное для всех видов нечистой силы время — преимущественно ночью, в полночь, до первого, второго или третьего крика петухов [Πολίτης 1904, 468—469, 472, 476, 489; Διαλεκτός 1979, 11; Βαφειάδου 1982, 398], а также в полдень [Πολίτης 1904, 430—431, 450, 451—452, 461, 472; Διαλεκτός 1979, 11]. Что касается времен года, считается, что nereиды наиболее часто появляются летом, особенно

в августе [Πολίτης 1904, 412, 461, 489; Διαλεκτός 1979, 11], а среди дней недели иногда выделяется суббота [Οικονομίδου 1974, 343].

Как особые свойства отмечается умение превращаться в птиц и животных, бессмертие и способность всегда оставаться молодыми и красивыми, не стареть [Διαλεκτός 1979, 9].

Среди занятий nereид можно выделить несколько основных групп:

1) танцы, пение, игра на музыкальных инструментах, совместные пиры [Πολίτης 1904, 391, 397, 398, 400, 401, 404, 406, 407, 409, 412, 425, 429, 430, 445, 451, 466—468, 471; Διαλεκτός 1979, 11];

2) купание в источниках, мытье головы [Πολίτης 1904, 395, 399, 407; Διαλεκτός 1979, 12; Οικονομίδου 1974, 343];

3) расчесывание волос [Πολίτης 1904, 407, 426, 476; Διαλεκτός 1979, 12; Οικονομίδου 1974, 342];

4) стирка и сушка одежды [Πολίτης 1904, 396, 416, 417, 463, 477, 478; Διαλεκτός 1979, 12];

5) ткачество и прядение [Πολίτης 1904, 414, 415; Διαλεκτός 1979, 12; Οικονομίδου 1974, 341];

6) катание по морю на лодке, украденной у рыбака [Πολίτης 1904, 487—488; Βαφειάδου 1982, 398].

Среди прочих занятий можно отметить единичные упоминания о том, что nereиды разматывают куколки шелкопряда и делают шелк [Πολίτης 1904, 415—416], ухаживают за своими садами [Πολίτης 1904, 404], рубят дрова [Πολίτης 1904, 448].

По большей части nereиды в народном сознании греков расцениваются как вредоносные существа, так как принадлежат они к классу нечистой силы. Среди предикатов этого типа персонажей особо выделяются следующие действия:

— заманивать, похищать людей [Πολίτης 1904, 388—390, 397—398, 401, 433, 435—436, 442—447, 451—453; Διαλεκτός 1979, 12; Οικονομίδου 1974, 340] (иногда похищение человека происходит на невидимом уровне — после контакта с nereидами он с каждым днем «тает на

глазах», а потом умирает; такого человека называют νερίδοπαρμένος — взятый nereидой, и считается, что nereиды забрали его к себе);

— заставлять человека танцевать [Πολίτης 1904, 428—429, 477—478; Διαλεκτός 1979, 12];

— сбивать с пути [Πολίτης 1904, 428];

— подменивать ребенка [Πολίτης 1904, 435—436, 439—441; Διαλεκτός 1979, 14];

— пить кровь у младенца [Πολίτης 1904, 440; Διαλεκτός 1979, 12];

— отнимать дар речи, способность двигаться, ослеплять, делать глухим [Πολίτης 1904, 398, 433, 436—438, 451—453; Διαλεκτός 1979, 13];

— лишать разума [Πολίτης 1904, 403, 409—410, 432, 440—441, 451; Διαλεκτός 1979, 12];

— насылать болезни [Πολίτης 1904, 396; Διαλεκτός 1979, 13; Οικονομίδου 1974, 344];

— лишать юношей их мужской силы (после вступления в контакт с nereидой юноша не может спать с обычной женщиной) [Πολίτης 1904, 389];

— бить людей [Πολίτης 1904, 399, 432—433, 473; Διαλεκτός 1979, 12; Οικονομίδου 1974, 344];

— забрасывать камнями [Πολίτης 1904, 426—428, 432];

— умерщвлять: душить, топить, разрывать пополам, выпивать кровь, съедать [Πολίτης 1904, 401, 427—428, 431—433, 454, 471, 472, 474—476, 486; Διαλεκτός 1979, 12];

— насылать вихрь, холод, снег и лед [Διαλεκτός 1979, 12, 14];

— вредить в домашнем хозяйстве: забирать пшеницу с гумна [Πολίτης 1904, 412], разбирать ткацкий станок, заплетать гривы и хвосты лошадям [Διαλεκτός 1979, 12].

Среди попечительных действий можно отметить способность наделять богатством в награду за что-либо (за хорошую игру музыканта, за хорошее исполнение похоронных причитаний над жертвой nereид, за то, что человек вытерпел все мучения от nereид), а также силой, удачей и славой [Πολίτης 1904,

474, 490; Διαλεκτός 1979, 14; Οικονομίδου 1974, 345]; давать обереги [Πολίτης 1904, 444; Διαλεκτός 1979, 14]; учить, как излечиваться от различных болезней (чумы, ветряной оспы и т. д.) [Πολίτης 1904, 402, 449; Διαλεκτός 1979, 22]; обучать музыкантов искусству игры «так, как никто, кроме nereид, не умеет» [Πολίτης 1904, 390, 413; Οικονομίδου 1974, 344]; помогать женщине ткать [Πολίτης 1904, 414].

Большое значение для характеристики nereид имеет способность сожительствовать с людьми и рожать от них детей [Πολίτης 1904, 388, 448, 450, 451, 453—470; Διαλεκτός 1979, 14; Οικονομίδου 1974, 345; Βαφειάδου 1982, 398—399].

Воздействуют nereиды чаще всего на детей, молодежь обоих полов, рожениц и представителей профессий, предполагающих длительное пребывание в одиночестве: пастухов, дровосеков, мельников. Очень редко встречаются былички, в которых объектом воздействия nereид оказывается старик или старуха [Πολίτης 1904, 429, 443—444]. Также считается, что увидеть nereид и вступить с ними в контакт может только человек, обладающий даром общения со всевозможными мифологическими персонажами: человек, рожденный в субботу (Σαββατογεννημένος), или человек «с легкой тенью» (Αλαφροήσκιωτος) [Πολίτης 1904, 388, 427; Διαλεκτός 1979, 9; Οικονομίδου 1974, 344]. Среди животных способность видеть nereид приписывается лошадям и «четыреглазым» собакам (у которых над каждым глазом есть по пятну) [Πολίτης 1904, 395].

На островах Эгейского моря известна традиция приглашения nereид на Клидонас (24 июня) для помощи при гаданиях. Для привлечения nereид на крышу дома забрасывают различные сладости.

В греческой традиции очень распространен следующий мотив: человек овладевает мифологическим персонажем. Подчинив себе nereиду, человек делает ее своей женой. Наиболее известным способом порабощения nereиды является похищение у нее платка, покрывала, рубашки, какой-нибудь

одежды вообще, кольца или крыльев, в которых сосредоточена ее магическая сила [Πολίτης 1904, 457, 462, 468, 469, 471; Διαλεκτός 1979, 14; Οικονομίδου 1974, 345]. Кроме того, подчинить себе nereиду можно, схватив ее за руку, за волосы или поцеловав [Πολίτης 1904, 391—392; Διαλεκτός 1979, 14; Βαφειάδου 1982, 398].

Обереги от nereид в основном универсальны для нечистой силы вообще. Это хлеб, чеснок, соль, порошок [Πολίτης 1904, 457, 462, 468, 469, 471; Διαλεκτός 1979, 15; Οικονομίδου 1974, 340], нож с черной ручкой, «немая» вода (вода, которую набирают в полночь, и на протяжении всего пути до источника и обратно соблюдают молчание), очерчивание вокруг себя круга, крест в любом виде, молитва [Πολίτης 1904, 396, 424; Διαλεκτός 1979, 15; Οικονομίδου 1974, 344]. В качестве специфического средства для задабривания nereид выступают мед и молоко — их выставляют перед домом, вымазывают пол дома, где лежит «взятый nereидами» больной, медом, приносят молоко и мед на то место, где nereиды навредили человеку, чтобы он излечился [Πολίτης 1904, 452]. В Мантинии и Мани больного человека или ребенка, которому, как считалось, навредила nereида, относили к большому вросшему в землю камню, к камню «с корнями» («ριζωμιά πέτρα») [Πολίτης 1904, 432]. К камню «с корнями» в Мани относили и младенцев на второй или третий день после рождения, чтобы обезопасить его от nereид. На Лесбосе и в Кардиие в качестве апотропея упоминается панцирь черепахи, который обладает свойством превращать nereид в черепах [Πολίτης 1904, 411; Διαλεκτός 1979, 15; Οικονομίδου 1974, 345].

Для исцеления от болезни, насланной nereидами, «знающие» люди, целители, колдуны используют некие растения, называемые «трава nereид» (νεραϊδοβότανο) или особые деревянные палочки, «дерево nereид» (νεραϊδόξυλο) [Πολίτης 1904, 421—422; Διαλεκτός 1979, 15].

78 Помимо вещественных оберегов существуют также две группы особых

апотропеических словесных формул. В первой группе в заклинании используются слова «мед и молоко», например, «Мед и молоко!» («Μέλι και γάλα!»), «Мед и молоко на ваши крылья!» («Μέλι και γάλα στα φτερά σας!»), «Мед и молоко вам в путь!» («Μέλι και γάλα στο δρόμο σας!») [Πολίτης 1904, 389, 403; Οικονομίδου 1974, 340]. Эти заклинания используются как при непосредственной или потенциальной (при вторжении в их локус) встрече с nereидами, так и для того, чтобы утихомирить сильный ветер. Ко второй группе относятся формулы, связанные с представлениями о nereидах как о заколдованных сестрах Александра Македонского. Так, при встрече с ними говорят: «Жив царь Александр, жив и царствует!» («Ζει Αλέξανδρος ο βασιλιάς, ζει και βασιλεύει!») или «Ради души царя Александра!» («Στην ψυχή του βασιλέως του Αλέξανδρου!») [Πολίτης 1904, 388, 389; Οικονομίδου 1974, 340]. В поверьях о nereидах также встречается сюжет, в котором nereиды окружают лодку рыбака и спрашивают, жив ли царь Александр или умер, рыбак должен ответить: «Жив, жив и царствует», иначе nereиды потопят лодку. Здесь, очевидно, представления о nereидах смешиваются с представлениями о других мифологических персонажах, так как в новогреческой мифологии существуют особые женские персонажи — горгоны (Γοργόνες), — в которых, как считается, были превращены сестры Александра Македонского. Горгоны выглядят как женщины с рыбьим хвостом, а живут они только в море. Именно горгонам обычно приписывается свойство топить корабли в случае, если на их вопрос человек отвечает, что царь Александр умер.

2. Мойры — демоны судьбы

Название этих мифологических персонажей можно считать одним из их главных отличительных признаков, поскольку слово *Μοίρες* — *мойры* — применяется в отношении демонов судьбы в греческом мире повсеместно. В некоторых местах встречаются названия типа *Καλόμοιρες* ('добрые мойры') [Αικατερίνης, 380].

Описание внешнего облика мойр варьируется: они представляются то в виде страшных старух, то прекрасными девушками. Так, в Ливадии, в Арахове — это три старухи с большими зубами, закутаные с головы до ног [Πολίτης 1874, 209; Μαυρόπουλος 1984, 153; Πολίτης 1904, № 916], на Эгине — нарядно одетые женщины в белых одеждах, с короной на голове, в жемчужных ожерельях и браслетах, у старшей — жемчужные четки [Πολίτης 1904, № 917]. Также верили, что мойра появляется в виде невидимки [Πολίτης 1904, № 920; Εηροτόρης 1987, 182] (ее нельзя увидеть, о ее визите можно догадаться только по косвенным признакам) или в виде большой разноцветной мухи, которая садится на нос младенцу, после чего у него начитает «гореть» нос. Считалось, что если нос у младенца «горит» сильно, на его долю придется много несчастья, если несильно — немного.

Мойр обычно три [Πολίτης 1904, № 916; Καλούσιος 1994, 753; Αικατερίνης 1984, 379; Εηροτόρης 1987, 182], иногда рассказывают о четырех мойрах (Карпатос). Эти числа, как «три», так и «четыре», акцентируются при украшении стола для угощения мойр: на столе выкладывают *три* сердечка из миндаля, кладут *три* вилки (Эгина); либо вокруг ставят *четыре* стула, на стол кладут *четыре* вилки, *четыре* тарелки, *четыре* бублика, по краям стола прикрепляют *четыре* большие свечи (Карпатос). Иногда особо выделяется старшая мойра: она первой входит в дом, держит в руках жемчужные четки, садится между двух других, принимает окончательное решение о судьбе младенца, в то время как другие мойры предлагают свои варианты, записывает судьбу ребенка в свою книгу [Πολίτης 1904, № 917].

Считается, что приходят мойры на третий день после рождения младенца, а также в некоторых локальных традициях — на пятую [Πολίτης 1874, 209] или седьмую ночь [Εηροτόρης 1987, 182]. Либо время их появления не указывается четко: приходят ночью, иногда днем, когда роженица спит и боль-

ше никого нет в доме [Πολίτης 1904, № 916].

Место контакта этих мифологических персонажей с человеком — всегда дом, в который мойры заходят, чтобы наделить судьбой младенца, а место их постоянного обитания — роскошный дворец с прекрасным садом, где они гуляют, играют на музыкальных инструментах и поют [Πολίτης 1904, № 917], уютные домики или пещеры на краю земли [Πολίτης 1904, № 917]; отвесная скала, о которой никто, кроме них, не знает [Πολίτης 1874, 209]; Олимп, «на трех краях неба» [Πολίτης 1874, 209].

Основная функция мойр — наделить судьбой младенца, а также решать, какого мужа дать девушке: если мойры заставали девушку поздно вечером за работой, ей доставался ленивый и бедный муж; если девушка отдыхала и бездельничала, ей давали мужа работающего и богатого [Αικατερίνης 1984, 380]. В Иоаннине верили, что если мать ребенка была безгрешной, она сама могла услышать, какую судьбу мойры определяют ее младенцу [Καλούσιος 1984, 753]. «Пишут судьбу» младенцу мойры в книге, где записаны все человеческие судьбы, на лбу младенца [Πολίτης 1874, 217] или на его носу [Πολίτης 1874, 209]. Считалось, что особенно несчастны те люди, которых мойры забыли наделить судьбой [Εηροτόρης 1987, 182].

Подготовка к визиту мойр всегда проводилась очень тщательно. Ребенка красиво одевали, убирали и украшали дом, ставили посреди комнаты, в которой находились роженица и новорожденный, три стула и стол с угощением: медом, сладкой выпечкой, вином и водой [Πολίτης 1904, № 917]. На Карпатосе для угощения мойр готовили специальное сладкое блюдо из муки, которое называется *αλευρέα*. В Малой Азии верили, что украшать надо, прежде всего, младенца; его одевали в лучшую одежду, в колыбельку клали сладости, золотые украшения и монеты, «чтобы произвести на мойр хорошее впечатление». [Αικατερίνης 1984, 380]. Считалось, что комнату, в которой находятся

младенец с матерью, надо было убрать так, чтобы мойрам ничто не препятствовало по дороге, иначе они могли рассердиться и предсказать ребенку плохую судьбу, скорую смерть, либо проклясть его. На эгейском о. Кассос на седьмую ночь после рождения ребенка исполняется специальный обряд, который называется *εφτά* ('семь'): люльку с младенцем подвешивают к двум основным балкам под крышей дома, окуривают ребенка и мать ладаном и призывают мойр: «О, Мойры Мойр, приходите определить хорошую судьбу ребенку имярек и подарите ему Александрию с гумнами, море с кораблями и Город (Константинополь) с алмазами!». К ребенку в колыбельку клали самую дорогую и нарядную одежду отца — для мальчика, или матери — для девочки. Посреди комнаты накрывали стол с угощением для мойр — тремя бубликами (*μνοῦρια*) и большой миской меда, а по краям стола ставили три большие свечи, которые посвящались Иисусу Христу, Богородице и Иоанну Крестителю. Гости трижды читали символ веры, наблюдали за тем, чья свеча сгорит первой, и объявляли его святым покровителем младенца. Считалось, что сразу после этого приходили невидимые мойры и определяли судьбу ребенка.

Повлиять на будущую судьбу ребенка, как считалось, можно было с помощью магических действий: «задобрить», «подсластить» мойр, оставив для них на столе сладости и мед, чтобы ребенку «предписали» определенную профессию, мальчику под подушку клали бумагу, чтобы он стал «ученым», а девочке — золотую или шелковую нить, чтобы она была искусной рукодельницей [Ξηροτύρης 1987, 182].

Среди характерных мотивов выделяется распространенный фабулат, который можно условно назвать «ο, τι γράφει, δεν ξεγράφει» («что написано, не сотрешь»): человек, подслушивая, узнает предсказание о своей судьбе и смерти, предпринимает попытку избежать этой участи, но все равно погибает предсказанной ему смертью. Второй распро-

страненный мотив: человек с помощью специальных магических действий заставляет мойру изменить свою судьбу [Πολίτης 1874, 225].

Итак, современный образ мойр не всегда соответствует их древнегреческому прототипу, представления о демонах судьбы часто смешиваются с поверьями о nereидax, и облик мойр приобретает черты nereид (длинные волосы, любовь к игре на музыкальных инструментах и танцам и т. д.), однако в некоторых местных традициях основные характеристики мойр остаются практически тождественными древнегреческим: «Многие говорят, что мойры, которые приходят наделять судьбой ребенка, держат старшая — ножницы, другая — веретено, а третья — прялку с пряжей, и с помощью этого они определяют, сколько он проживет. Во время определения одна с прялкой прядет, другая наматывает на веретено нить, и каждый оборот вокруг веретена — это год; когда заканчивается определение, старшая ножницами отрезает нить. Если нить оборвется, прежде чем закончится определение судьбы, мойры прекращают свою работу и уходят. Ребенок проживет столько лет, сколько они успели намотать, и случится то, что мойры успели предсказать» [Πολίτης 1904, № 917].

Женские персонажи новогреческой мифологии значительно отличаются от персонажей мифологии Древней Греции, однако многочисленные элементы, характерные для античной традиции, например, основные черты мойр, некоторые особенности nereид и т. д., являются доказательством непрерывности греческой культуры. Христианство также наложило отпечаток на народную демонологию современной Греции. Самым ярким примером этому может служить традиционная классификация практически всех мифологических персонажей как «нечисти» и представления о том, что крест, икона, молитва — самые действенные обереги от демонических существ. Многовековая история развития и многочисленные контакты с другими народами бал-

канского и средиземноморского ареала оказали большое влияние на формирование нынешней системы персонажей, и можно говорить о формировании общевосточного типа некоторых мифологических персонажей, например, женских персонажей типа *вила/самовила*, греческим аналогом которых являются *нереиды*.

Литература

Виноградова — Толстая — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 16—43.

Климова 2004 — *Климова К. А.* Нереиды в традиционной культуре Греции // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. СПб., 2004.

Αικατερίνης 1984 — *Αικατερίνης Γ.* Χαμένες πατρίδες. Το χωριό μας η Αγία Παρασκευή του Τσεσμέ (το Κιοστέ). Σκιάθος, 1984.

Βαφειάδου 1982 — *Βαφειάδου Β.* Θράκινη παράδοση για θαλασσινή Νεράιδα // Λαογραφία. Τόμος ΛΒ'. Αθήνα, 1982.

Διαλεκτός 1979 — *Διαλεκτός Ν.* Νεράιδες — Καλλικάντζαροι — Βρυκόλακες στις Λεσβιακές παραδόσεις. Αθήνα, 1979.

Καλούσιος 1994 — *Καλούσιος Δ.* Το Ματσούκι Ιωαννίνων. Μέρος Β'. Λαογραφικά. Ματσούκι, 1994.

Μαυρόπουλος 1984 — *Μαυρόπουλος Χ.* Κατακαμένη Αράχωβα. Τόμος Β'. Αθήνα, 1984.

Επρωτόρης 1987 — *Επρωτόρης Ζ.* Έθιμα και δοξασίες του λαού μας. Τόμος Α'. Αθήνα, 1987.

Οικονομίδου 1974 — *Οικονομίδου Δ. Β.* Αι περί Νεραίδων δοξασίαι και παραδόσεις του Ελληνικού λαού // Επιστημονική επετηρίς Φιλοσοφικής Σχολής. Περίοδος Δευτέρα. Τόμος ΚΔ'. Έτους, 1973—1974.

Πολίτης 1874 — *Πολίτης Ν. Γ.* Μελέτη επί του βίου των Νεωτέρων Ελλήνων. Τόμος Α'. Νεοελληνική μυθολογία. Μέρος Β'. Αθήνα, 1874.

Πολίτης 1904 — *Πολίτης Ν. Γ.* Μελέται περί του και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Αθήνα, 1904.

Πολίτης 1918 — *Πολίτης Ν. Γ.* Τα ονόματα των Νεραίδων και των Ανασκελάδων // Λεξικογραφικόν Αρχεῖον της Μέσης και Νέας Ελληνικής. Τόμος Ε'. Εν Αθήναις, 1918.

Πολίτης 1994 — *Πολίτης Ν. Γ.* Παραδόσεις. Μελέται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Τόμος Β'. Αθήνα, 1994.

Φραγκούλης 1917 — *Φραγκούλης Χ.* Παραδόσεις Μεγάλης Μαντινείας // Λαογραφία. Τόμος ΣΤ. Αθήνα, 1917.

В. С. СЕРГЕЕВА
(Москва)

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В АНГЛИЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БАЛЛАДАХ: ОТ ПЕРСОНАЖА К ГЕРОИНЕ

Европейская народная баллада, зародившись как литературный жанр еще на исходе первого тысячелетия нашей эры, прошла сложный путь развития. Ее происхождение невозможно свести к какому-то одному источнику, истоки и генезис этого разнообразного и интересного жанра можно найти и в устном народном творчестве, и в мифологии, и в героическом эпосе, и в истории. Уже в XIV в. Дж. Чосер вводит французскую балладу в английскую поэзию. Естественно, что вместе с жанром заимствуется и слово, его обозначающее. Пишется оно по-разному: ballades, balats, balets, ballets, balletys, ballads. Необходимо подчеркнуть, что в XIV—XVI вв. слово *не использовалось* для обозначения того устного лиро-эпического жанра английской и шотландской *народной* поэзии, который сейчас англичане называют popular ballad, ancient ballad, ballad of tradition. Иногда говорят minstrel ballad или Child ballad (по имени американского ученого, который в 1882—1898 гг. издал ставшее классическим собрание таких баллад) [Child 1904]. Эти старинные народные баллады в то время (в XIV—XVI вв.) были известны больше под названием tales (long tales), ditties или songs. А в тюдоровские времена слово ballet применительно к «уличной балладе»¹ вдобавок могло обозначать не только сатирическую песенку, нередко фривольного содержания, но и стихотворный рассказ дидактической направленности, о чем свидетельствуют отдельные заголовки: «A ballet declaring howe everye christian ought to prepair themselfe to warre» (1569), «A ballet of a father warning his children to feare god» (1563).

¹ В советском литературоведении для обозначения broadside (broadsheet) в научный обиход вошел термин «городская баллада» (сравнительно с «городским романсом»).